

Март, 1983

Выпуск № 27

ОТКРЫВАЯ «Круглый стол», Ю. Поройков говорил об уроках Маяковского, о кровной связи его поэзии с временем, с революционными идеалами, с жизнью сегодняшнего социалистического общества. Он подчеркнул общность гражданственных и эстетических позиций болгарской и советской поэзии, для которых творчество Маяковского имеет огромное формирующее значение.

В. Костров. Было бы совершенно непродуктивно, если бы мы здесь занимались только тем, что воздавали должное Маяковскому. Нам важно действительно извлечь урок из его жизни, из его творчества. Урок Маяковского для меня — в том, что он решительно развил и подтвердил социальный пафос демократической традиции русской классической поэзии. Сердцевиной его поэзии стала трагически прекрасная борьба человечества за создание справедливого общества. «Красота социальная» — это слова Смелякова, — выраженная в борьбе и всей жизни трудящегося человека, стала для Маяковского глубоко личным переживанием, явленным миру в предельно выжатых и в то же время свежих и экспрессивных формах стиха.

Собственно, подлинным интеллигентом, продолжал В. Костров, может считаться, по Маяковскому, лишь тот, кто осознает свою причинную зависимость от жизни и бытия своего народа, ответственность за эту жизнь и бытие. На том стояли Блок и Есенин. То же яростно утверждал Маяковский. Когда я говорю о сегодняшнем дне, я говорю об уроках Маяковского. В момент глобального контрнаступления бесчеловечного мира, сконцентрированного в воинствующей идеологии империализма, когда на карту поставлена жизнь всего человечества, мы, писатели, в своем творчестве руководствуемся принципами партийности и народности, которые составляют революционную суть поэзии Маяковского.

Вопросы совести, правды, красоты Маяковский не отделял от проблем развития общества. Он выявлял новое в этике. Нравственные принципы в его поэзии непосредственно связаны с делом строительства социализма.

Лучшие представители болгарской и советской, да и всей мировой литературы всегда будут на стороне этого благородного дела.

Причастность к живой жизни

Георгий Константинов. Сегодня все мы с большим волнением осматривали музей Маяковского. Мне дали в руки первое издание книги Маяковского «Я!». С трепетом листая эту книгу, я находил в ней мои любимые стихотворения.

Когда мы говорим о поэтической традиции Владимира Маяковского, мы прежде всего имеем в виду влияние его новаторской поэзии на разных поэтов разных стран в разные времена. Это влияние, однако, касается не только поэтов. Мужественная лирика Маяковского волновала и увлекала массы — людей, борющихся за социальную справедливость.

Недостаточно назвать Маяковского только большим поэтом. Он принципиально новый поэт, как новая эпоха, вдохновившая его. Именно поэтому голос его вызвал такой резонанс в пространстве и времени. Целая плеяда известных поэтов XX века в большей или меньшей степени родственна ему. Луи Арагон и Пабло Неруда, Янис Рицос и Николас Гильен, Тео Милев и Никола Вапцаров... Вот лишь несколько имен, но их значительно больше. И все они — наследники традиций поэзии Маяковского.

Далее Г. Константинов подчеркнул, что новаторский характер поэзии Маяковского определялся его жизненной позицией, способностью видеть в жизни то новое и прекрасное, что несла с собой Великая Октябрьская социалистическая революция.

Уже трудно себе представить Великий Октябрь без знаменитого «Левого марша» и драматичной, масштабной поэмы «Владимир Ильич Ленин», продолжал Г. Константинов. Так же, как невозможно говорить о Троянской войне без «Илиады» Гомера. Если иметь в виду расхождение между двумя историческими эпохами, такое сравнение может показаться произвольным. Но все-таки оно напоминает нам, что большие поэты созвучны большим событиям. Творческая смелость, сила убеждения, стремление жить будущим — вот что мы

В рамках Дней газеты «Литературный фронт», прошедших в нашей стране, редакцией «ЛГ» был организован «Круглый стол» советских и болгарских литераторов на тему «Маяковский и современная поэзия». В год юбилея великого пролетарского поэта эта тема звучит особенно актуально. Недавно на страницах нашей газеты прошла дискуссия о роли наследия Маяковского, вызвавшая горячий отклик не только профессиональных литераторов, но и широких читательских кругов.

Традиции Маяковского оказали живое влияние на многонациональную советскую литературу и на литературы социалистических стран — об этом шел разговор между болгарскими и советскими коллегами в редакции «Литературной газеты». В дружеском обмене мнениями приняли участие болгарские поэты Георгий Константинов, Петр Анастасов и критик Димитр Танев, советские поэты Владимир Костров, Римма Казакова и критик Геннадий Красухин. Вел «Круглый стол» заместитель главного редактора «Литературной газеты» Юрий Пороиков.

сегодня называем традицией Маяковского, влияющей на развитие современной болгарской, да и всей мировой поэзии.

В. Костров. В развитие мыслей Георгия Константинова хотел бы сказать, что Маяковский — новатор по существу. Формально он не изобрел ни одного нового ритма, размера, каких бы не было до него. Это те же дольки, амфибрахий, дактили и так далее. Но в его стихах возникла совершенно новая основа, совершенно новая лексика. Пушкин в свое время произвел такой же новаторский переворот в русской поэзии. Я говорю о социальном новаторстве.

Р. Казакова. Георгий наметил очень интересную тему. Так как Маяковский многое умел в области формы, он не впадал в ошибку, свойственную тем поэтам, которые не умеют и поэтому раздражаются, когда кто-то пишет сложнее, чем они, негодуют и отвергают искания других поэтов. Другими словами, если перед нами художник большой, он пишет то, что для него органично.

Димитр Танев. Время, когда творил Маяковский, уже отошло в прошлое. Но его творчество и сегодня актуально, живо. В известном смысле можно сказать, что время работает на Маяковского. Логично задать себе вопрос: что было бы с Маяковским без революции? Но, думаю, на этот вопрос можно дать единственный ответ: Маяковский начинается с революции. Сегодня Маяковский — не просто яркое имя на поэтическом небосклоне, о котором мы говорим в историческом плане. Нет, мы говорим о нем как о социалистическом классике. Как всякий истинный художник, связанный личной судьбой с великими идеалами своего времени, Маяковский остается вечным гражданином социалистического общества, хотя жил он и работал на заре социализма.

Далее Димитр Танев рассказал о двух этапах освоения традиций Маяковского в Болгарии. Он назвал имена крупнейших болгарских переводчиков Маяковского — таких, как Христо Радевский, Людмил Стоянов, Богомил Райнов, Георгий Джагаров, Димитр Методиев, Васил Колевский и другие.

Мне очень сложно сказать, продолжал Д. Танев, какие современные, сегодняшние болгарские поэты наиболее близки Маяковскому по темпераменту, языку, стилю. Если обратиться в недавнее прошлое, мы найдем, например, значительную близость между Маяковским и Гео Милевым. Известное влияние, которое оказал Маяковский на Николу Вапцарова и Пенью Пенева. И тот, и другой говорили о том, что они учились у Маяковского. Даже накануне своей смерти Пенев оставил записку со словами: «Иду к тебе, мой бог». Конечно, дело не в копировании, а именно в сродстве, близости. Это художники одного и того же типа, одного корня.

Из современных поэтов, как мне кажется,

ся, близки Маяковскому по языку, по трибунной взрывности стиха некоторые поэмы Орлина Орлинова.

Нужны гражданский и творческий пример Маяковского, его горячая кровь, его энергия, публицистический нерв, страсти, общественная активность, политическая острота. Вот что нужно современной поэзии, если говорить о ней в целом.

НА

РУБЕЖАХ

МАЯКОВСКОГО

Эту мысль Д. Танева горячо поддерживали В. Костров и Ю. Пороиков. В частности, Ю. Пороиков обратил внимание на то, что критики нередко недооценивают огромный лирический потенциал поэзии Маяковского, неумело «социологизируя» ее и тем самым обедняя творческое наследие великого поэта.

Говоря о своем опыте, Римма Казакова также остановилась на проблеме лирического героя Маяковского, его глубоко гражданственной, гуманистической сущности.

В битве за завтрашний день

Р. Казакова. Маяковский говорил: «Я себя смирял, становясь на горло собственной песне». Думаю, что эти строки можно, наверное, понимать как некий внутренний, нравственный регулятор. Есть стихия лирического чувства, которую позволяют себе некоторые поэты. Да и я, наверное. И где-то надо научиться «становиться на горло», но не так, чтобы задавить главную песню своей жизни, а чтобы работать, работать, а не просто резвиться на лоне искусства.

И вторая формула Маяковского: поэт — народа водитель и одновременно «народный слуга». Сейчас, кажется, всерьез стоит задуматься над словами «народа водитель». Потому что служить, ублажать, развлекать, нравиться не так уж и трудно. У нас хорошая поэзия, хороший читатель. Но всегда ли удается вести людей за собой? Опыт последних вечеров поэзии, в которых я принимала участие, меня огорчил, потому что я почувствовала, что мы, поэты, нередко отстаем. Сегодняшний читатель нас принимает, а завтра... у него уже может не хватить вежливости и дружелюбия.

Я думаю, что разговор, который идет сейчас о Маяковском в связи с его юбилеем, — это только начало очень важного разговора. Маяковский — тема не просто большая, это действительно неисчерпаемая тема.

«Революцией мобилизованный и призванный»... Ведь это дело добровольное — мобилизоваться и призваться. 15-летнего мальчика могла увлечь романтика. Но 20-летнего человека уже увлекала не только романтика, он ясно представлял, каким путем он идет. И очень часто бывает так, что нас тоже никто специально не мобилизует, повестку не присылает. Но один человек считает себя мобилизованным, у одного человека «голосует сердце», а у другого — спит. Или откликается на какие-то мелочи, вот что обидно. Творческий человек иногда сужает параметры своего мира до мирка. И результат какой?

Ничтожный. А у Маяковского? Формула его роста: прежде всего дело, потом я.

И проверено: когда, предположим, наши молодые поэты ставят перед собой задачи большие, когда их волнуют большие дела, большие проблемы, у них и голос-то какой-то другой появляется.

Когда наше поколение пришло в литературу, у нас был прекрасный наставник Ярослав Васильевич Смеляков, огромный, конечно, поэт, многому научившийся у Маяковского и нас учивший гражданственности.

Чтобы написать такие стихи, как «Прозаседавшиеся», надо было очень точно знать, что происходит в жизни, не ошибиться... У большого, талантливого поэта только один путь — быть и большим человеком, гражданином.

Трибунность Маяковского, его желание напрямую говорить с читателем перешли

борьбу с образом поэта, стоящего вне общественной жизни. И эта борьба продолжается до сегодняшнего дня. Не поэты воюют между собой, а их идеи, их личные и гражданские принципы, их социальные позиции. Идет битва за завтрашний день. Для нас, современных социалистических поэтов, это очень важный вопрос. Действительность изменилась, изменился характер общественных отношений в эпоху социализма. Однако воспроизводство образа поэта — индивидуалиста-отшельника то и дело находит выражение в современной поэзии. Тем важнее сегодня Маяковский как пример слияния с судьбой народа, с делом партии, с делом коммунизма. Маяковский — новатор не только как художник, он — новатор в мироощущении, как поэт-гражданин нового общества. Он дал верный классовый ориентир поэтам, идущим за ним.

Резюмируя то, что было сказано выше, я хотел бы подчеркнуть, что для нас имеет большое значение, каким был Маяковский как личность, как поступок, как явление. Его жизнь доказывает, что поэт нового времени также обладает неповторимой индивидуальностью, огромным человеческим обаянием; что ему не чужды глубокие личные переживания, что в художественном претворении самых сокровенных порывов души он находит неповторимые средства самовыражения. Новаторство Маяковского в полной мере обнаружилось и в области интимной поэзии. В ней есть органичное слияние общественного и личного начал. Поэзия не адресуется какой-то элитарной среде — она обращена к миллиону.

Еще раз хочу подчеркнуть, что сегодня Маяковский нам нужнее, чем когда бы то ни было. Я думаю, что, будь он жив, он бы счастливо улыбнулся, видя, с каким samozабвением и верностью делу партии наиболее талантливые из нас превращают в поэзию бессмертную музыку революции.

Подводя итоги прошедшего разговора, Ю. Пороиков отметил, что болгарские и советские коллеги затронули интересные аспекты изучения творческого наследия Маяковского, значения его поэзии для развития современного литературного процесса.

Разумеется, проблема эта неисчерпаема. Участники «круглого стола» подчеркнули настоятельную необходимость для поэзии и критики освоения уроков великого пролетарского поэта.

Состоявшийся обмен мнениями показал, что творческие связи между советскими и болгарскими литераторами приобретают все более глубокий и разносторонний характер.

Запись А. МАРТЫНОВОЙ и Г. КАЛАШНИКОВА

к нам в наследство, и терять этот опыт было бы совершенно неверно.

Я помню, как на одном из Пушкинских праздников поэзия итальянский молодой поэт сказал: какие вы счастливые, у вас есть старший в роду — Пушкин. Думаю, что и Маяковский — это действительно старшая наша советская поэзия. Я думаю, что сейчас все актуальнее становится призыв: вперед, к Маяковскому!

Г. Красухин. У Маяковского есть строки, поразительные по отношению к собственной поэзии: «Умри, мой стих, умри, как рядовой, как безымянный на штурмах мерли наши!». Кто бы из поэтов до Маяковского решился сказать такое о своих стихах? Между тем для Маяковского такая позиция — принципиальная: умри, мой стих, умри, сделав свое дело, честно послужив людям. Рядом с такой долей не страшна даже смерть, даже безвестность.

Вслед за Некрасовым Маяковский обратился к массе, к народу. Его «лесенка» — не прихоть и не причуда. Поэтому смешны и нелепы подражания ей. «Лесенка» Маяковского — это графически изображенная жестикуляция поэта-оратора, «горлана-главаря». Маяковский и сам сознавал свое призвание. Не случайно одно из первых его стихотворений называется «Послушайте!», а в последней его вещи есть такая строка: «Слушайте, товарищи потонки...» Между двумя этими произведениями, как между двумя полюсами, — все творчество Маяковского, обращенное к массам.

Я подчеркиваю: все творчество, которое нечленимо, из которого нельзя «вычлесть», допустим, лирические мотивы, оставив только гражданские. Маяковский целен, одинаково страстен, одинаково честен в любых проявлениях своего таланта, будь то «Облако в штанах», «Хорошо!», «Баня», «Мое открытие Америки».

А что по строк: «Я себя смирял, становясь...», то они как раз и подтверждают цельность Маяковского — ведь прежде чем скагать людям о том, что есть добро и что есть зло, поэт обязан распознать сущность того и другого, отделить добро от зла в собственной душе.

Петр Анастасов. Известно, что фронт современной идеологической борьбы проходит через сердце и разум, пронизывает литературу и рушит романтические иллюзии о привилегированности поэтического творчества. В наше время, как это было всегда, единственная привилегия поэта — служение народу и времени. Быть в первых рядах и первым сгореть. Образ поэта, не считающегося с общественными нормами, поэта-отшельника, поэта-страдальца, принадлежит прошлому. Это образ, которым манипулирует буржуазная машина массовой культуры.

До Маяковского мы не могли бы говорить о поэте нового времени, о поэте-коммунисте. Самим своим появлением Маяковский вступил в непримиримую